

УДК 101.1

*В. В. Картавец***АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ «ФИЛОСОФЕМА»
В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ****Резюме**

У статті стисло представлено еволюцію поняття «філософема» в науковій літературі другої половини ХХ століття, а також наведено докладний аналіз трьох новітніх публікацій, присвячених розгляду природи і сутності філософеми. У роботі на основі вивченого матеріалу порушено питання про необхідність виявлення диференціальних ознак для таких пар понять, як: філософема і символ, філософема і концепт.

Summary

The article gives a brief account of the evolution of the concept «philosopheme» in scientific literature of the second half of the 20th century and presents a detailed analysis of three latest publications dealing with the character and essence of a philosopheme. On the basis of the material under discussion the idea of the necessity of distinguishing between the notions of philosopheme and symbol, philosopheme and concept has been formulated.

Ключевые слова: философема, символ, концепт, мифологема, идеологема, философский и художественный типы познания.

Развитие науки как системы знаний о закономерностях развития природы, общества и мышления характеризуется диалектическим взаимодействием двух противоположных процессов – дифференциацией и интеграцией. Процесс интеграции особенно характерен для современной науки, перед которой встают комплексные проблемы, решение которых невозможно внутри какой-либо отдельной отрасли знания. Очевидно, что синтез наук и научных дисциплин невозможен без философии, выполняющей интегративную функцию для различных типов познания действительности. В этой связи особую важность приобретает процесс выявления тех средств, при помощи которых философия осуществляет названную функцию. Не менее важным является и исследование эволюции этих средств на протяжении значительного времени, за которое они успели возникнуть и претерпеть

неоднократные метаморфозы, следуя общему вектору развития философии.

На наш взгляд, интегративная функция философии во многом обеспечивается при помощи философемы – понятия, употребляемого в последнее время все чаще, однако не получившего детального рассмотрения. Представляется необходимым, в связи с этим, кратко осветить историю этого термина, а уже затем перейти к современному состоянию вопроса.

Понятие «философема» было введено в философский лексикон Аристотелем в его трактате «Первая аналитика» в качестве нормы корректного (логического) рассуждения [1]. По определению Аристотеля, философема – это доказывающее умозаключение, причем доказывающее нечто систематически. Будучи таковым умозаключением, философема представляет собой мыслительную операцию, обосновывающую переход от посылок к заключению, который осуществляется дедуктивным способом.

Аристотелевское понимание термина «философема» довольно длительное время сохранялось в философии без изменений. С достаточной долей определенности можно предположить, что существенной трансформации данное понятие подверглось в Новое время, когда, как известно, начался активный процесс формирования наук, в том числе и философии, в их современном виде. Данный процесс сопровождался все более углублявшейся дифференциацией научного знания, в ходе которого философия на протяжении значительного времени выполняла функцию связующего звена для всех отраслей науки, обеспечивая их активное взаимодействие.

В этих условиях именно философема, все более четко проявляясь в качестве философского фрагмента в структуре нефилософского знания, явилась одним из средств, благодаря которому данный процесс стал возможен.

Под взаимодействием в философской литературе понимается существование в единстве отграниченных друг от друга, качественно отличающихся явлений, факт их непосредственного воздействия друг на друга [2].

Говоря о том, что философема выступает в качестве медиатора между различными отраслями науки и философией, нельзя упускать из виду и тот факт, что подобную же роль она выполняет и при взаимодействии между философией и литературой, а шире – между философией и другими видами познания мира.

Несмотря на то что в последнее время термин «философема» все чаще употребляется в разного рода литературе (научной, философской, художественной), значение его остается размытым. Достаточно упомянуть тот факт, что в современных словарях толкование данного понятия практически отсутствует. Краткие упоминания о философеме можно встретить в Философском энциклопедическом словаре и Словаре иностранных слов. Приведенное в этих изданиях значение рассматриваемого понятия сводится к следующему: философема – это философское утверждение или философское учение, либо же результат философского исследования. Такая неопределенная трактовка термина приводит к тому, что разные авторы используют это понятие произвольно либо для обозначения отдельной философской установки автора-философа, либо целой философской концепции.

Основной задачей данной статьи является попытка проследить, каким именно образом значение понятия «философема» преломилось в отечественной научной литературе на протяжении второй половины XX века.

Зачастую исследуемое понятие употребляется в детерминантной связке с двумя другими: мифологемой и идеологемой. При этом мифологема может пониматься двояко: либо как термин, обозначающий устойчивые и повторяющиеся конструкты народной фантазии, обобщенно отражающие действительность в виде чувственно-конкретных персонификаций, либо как сознательная попытка заимствования мифологических мотивов и перенесение их в мир современной художественной культуры. В первом случае мифологема выступает предтечей философемы на пути развития типов познания действительности, а во втором случае философема является средством взаимодействия теоретического и художественного уровней познания, в то время как мифологема – мифологического и художественного.

Термин «идеологема» был введен в язык науки М. М. Бахтиным.

В настоящий момент идеологема понимается в филологии как ценностно-мотивированные образования, группирующиеся вокруг того или иного идеологически значимого концепта, служащего основой для формирования аксиологических категорий [3]. В философии же данный термин может пониматься в двух смыслах, в зависимости от того, что поставить на первое место: либо идеологема есть социальное развитие философии, либо, наоборот, философия рассматривается как результат философского осмысления идеологема.

Понятие «философия» также встречается и в теоретических разработках В. С. Степина, являющегося известным исследователем философского познания. В. С. Степин утверждал, что сложный процесс экспликации универсалий культуры может в первичных формах осуществляться не только в рамках профессиональной философской деятельности, но и в таких формах духовного освоения мира, как литература, искусство, художественная критика, политическое и правовое сознание, обыденное мышление. Данный процесс будет иметь место в том случае, если названные формы духовного освоения действительности столкнутся с проблемными ситуациями мировоззренческого масштаба. Результатом подобного взаимодействия может стать возникновение «первичных философем», как обозначил их В. С. Степин [4]. В дальнейшем, по утверждению исследователя, на основе философем философия вырабатывает более строгий понятийный аппарат, где категории определяются в своих наиболее общих и существенных признаках.

Таким образом, в представлении В. С. Степина философия является результатом философской рефлексии определенного уровня, встречающейся в различных областях нефилософского познания.

До настоящего времени специальные, комплексные исследования, посвященные природе философем, отсутствовали. В научной литературе можно было встретить лишь отсылки к скудным словарным статьям и, в лучшем случае, незначительные по объему рассуждения, включенные в состав работ по смежной тематике, не претендующие на глубину анализа (однако довольно часто содержащие ценные сведения и замечания). В последнее время ситуация начала меняться в лучшую сторону.

Среди новейших отечественных научных публикаций, имеющих отношение к рассмотрению содержательно-сущностных характеристик понятия «философема», нельзя обойти вниманием докторскую диссертацию В. А. Песоцкого [5], в которой предпринята попытка всестороннего изучения интересующего нас понятия с точки зрения взаимодействия философии и литературы.

Во-первых, соглашаясь с трактовкой В. С. Степина, автор утверждает, что философема – это результат интеграции философского и нефилософского знания. Философемы, пишет он, встречаются, как правило, «в текстах по своему основному содержанию не философских, а затем уже становятся объектом философских исследований» [5, с. 182].

Во-вторых, В. А. Песоцкий считает, что само возникновение философем обусловлено тем, что социум имеет потребность в философском осмыслении изменений, происходящих в объективной реальности [5, с. 183]. Это осмысление может производиться на различных уровнях, обладать различной степенью теоретизации. Таким образом, гносеологически философема – это «знание, полученное с применением (осознанным или неосознанным) элементов философской методологии» [5, с. 184]. Автор специально уточняет при этом, что в некоторых случаях формирование философем предполагает единство обыденного и научного знания.

До сих пор мы упоминали, что философема чаще всего рассматривалась в качестве медиатора между различными уровнями познания и философией. В своей монографии В. А. Песоцкий определил, однако, и то место, которое философема занимает внутри самого философского знания, являясь одной из его форм. Автор утверждает, что философема – это та форма философского знания, которая готовит почву для возникновения законов, принципов и концепций философии, возникая, как правило, на стадии формирования гипотезы [5, с. 185]. Отсюда естественным образом следует, что большинство философем не представляют собой систематизированного знания, а, следовательно, имеют лишь фрагментарный характер. Данный факт, тем не менее (а, может быть, именно благодаря этому), не препятствует

философеме быть мощным средством для популяризации философских знаний в нефилософской среде.

Подводя итог своим рассуждениям относительно места, которое философема может занимать при взаимодействии философского и художественного типов познания, автор выделяет философемы двух типов, различающихся по глубине осмысления содержания и сущности объекта:

1) относящиеся к обыденному уровню познания и характеризующиеся фрагментарностью, неосознанностью философского осмысления явлений природы и социальной действительности, находящих свое выражение в нефилософских текстах в форме суждения;

2) относящиеся к теоретическому уровню познания, несущие значительный объем информации, более детально разработанные и занимающие в нефилософском тексте значимое, либо даже центральное место [5, с. 187–188].

Классифицируя философемы, входящие в состав художественных текстов, по объему содержащейся в них информации, В. А. Песоцкий выделяет следующие их типы: философемы-суждения, философемы-концепции и, наконец, философемы как целостные философские системы.

Говоря о последних, автор имеет в виду, что на основе философской рефлексии, включенной в ткань произведений таких титанов литературного творчества, как, например, Л. Н. Толстого или Ф. М. Достоевского, философия может, в дальнейшем, выработать более строгий понятийный аппарат, где категории уже определятся в своих наиболее общих и существенных признаках, что позволит, в свою очередь, говорить о системе взглядов того или иного писателя.

Подводя итог, мы можем утверждать, что в трактовке В. А. Песоцкого понятие «философема» предстает как форма философского знания, сочетающая в себе обыденный и научный уровни познания, носящая гипотетический характер, осмысливающая действительность в единстве ее элементов, но еще не на уровне их содержательно-сущностных признаков, однако уже являющаяся основанием для вычленения определенных философских категорий, законов, принципов и научных концепций.

Исследованием того, каким именно образом философия и литература взаимодействуют между собой, занимаются, что вполне закономерно, в настоящее время не только философы, но и филологи.

В этом отношении довольно значимой работой является книга Т. Благовой и Б. Емельянова, в которой рассматривается вопрос интерпретации Благовой философского мировоззрения Ф. М. Достоевского в эссеистике мыслителей русского зарубежья – Льва Шестова, Николая Бердяева и Бориса Вышеславцева [6].

По утверждению авторов, корпус философских идей Ф. М. Достоевского, нашедших свое воплощение в его художественных произведениях, состоит из определенного набора философем. Объектом анализа является процесс актуализации их культурного семантического значения в работах указанных мыслителей.

Исследуя частные философемы, которые входят в состав образного мира выбранного автора, Т. Благова и Б. Емельянов, пытаются, тем не менее, дать общее определение философемы, формируя тем самым научный тезаурус, с которым они будут работать. Данный факт позволяет включить их книгу в контекст настоящей статьи, посвященной изучению того, каким образом общеполитическое понятие «философема» бытует в современной науке.

В работе предлагается следующая дефиниция понятия «философема»: «смысловой инвариант, сохраняющий идентичность самому себе на всем вербальном пространстве Достоевского» [6, с. 14]. При этом философема является, с одной стороны, элементом текста, а с другой – элементом парадигмы Достоевского, «соединяющим символы, понятия и концепции, отражающие философско-антропологические, этические, эстетические и историософские взгляды» [6, с. 14] классика.

Далее авторы приводят два любопытных утверждения, помогающих читателю проникнуть в тот смысл, который вкладывается ими в понятие «философема».

Во-первых, как утверждается, «в каждой философеме *зашифрованы* (выделение авторское) те взгляды, которые исповедует писатель, или те, с которыми он борется» [6, с. 17].

Во-вторых, тем контекстом (внутри произведения), в котором бытуют философемы, является чаще всего сновидение «как особый символический язык» [6, с. 32].

Эти два утверждения и базовая авторская дефиниция понятия «философема» дают, на наш взгляд, право поставить вопрос о соотношении философемы и символа в данной работе.

Кажется не вызывающим сомнений тот факт, что, в общем, под термином «символ» принято понимать особую коммуникационную модель, интегрирующую отдельные индивидуальные сознания в единое смысловое пространство культуры (здесь уместно вспомнить об основной задаче авторов рассматриваемой книги – проследить процесс актуализации элементов философской парадигмы Достоевского в эссеистике Шестова, Бердяева и Вышеславцева).

Далее, энциклопедическое значение термина таково: «символ в искусстве есть характеристика художественного образа с точки зрения его осмысленности, выражения им некой художественной идеи» [7]. В философемах, как подчеркивается Благовой и Емельяновым, интериоризированы философско-мировоззренческие взгляды Достоевского, то есть его идеи.

Наконец, абсолютным большинством исследователей, занимавшихся изучением природы символа, подчеркивается, что символ немислим без многозначности, иносказательности и комплекса сопутствующих ассоциативных значений. Все это, естественно, ведет к большой свободе при трактовке символа, его *актуализации* за пределами контекста.

Интересное и крайне важное замечание относительно природы символа делает С. С. Аверинцев: «Смысл символа нельзя дешифровать простым усилием рассудка, в него надо «вжиться» [8]. В этой связи нам кажется важным, что в качестве анализируемого материала авторы рассматриваемой публикации выбрали именно эссеистику философов русского зарубежья, то есть тот тип произведения, который позволяет напрямую говорить о пережитом и передуманном, избегая при этом строгости аналитических выкладок философского трактата.

Таким образом, говоря о соотношении понятий «символ» и «философема» на примере рассматриваемой работы, мы получаем следующую группу тезисов. Благова и Емельянов утверждают, что:

1) философема есть смысловой инвариант внутри вербального пространства Достоевского;

2) контекстом философемы зачастую выступает сновидение как особый символический язык;

3) философема актуализируется вне этого контекста – на широком поле культуры;

4) философема, в зашифрованном виде, содержит комплекс идей (символов, понятий, концепций) Достоевского, имеющих отношение к широкому кругу философско-антропологических, этических, эстетических и историософских вопросов.

С другой стороны, мы имеем ряд утверждений, касающихся природы символа и, на наш взгляд, во многом пересекающихся по своему значению с теми тезисами Благовой и Емельянова относительно природы философемы, которые были перечислены выше.

Все это, как нам кажется, позволяет поднять ряд правомерных вопросов, ответы на которые очень помогли бы обогатить представление о философеме и избежать возможной терминологической путаницы. Вопросы эти таковы: как именно соотносятся между собой понятия «философема» и «символ», то есть каковы их дифференциальные признаки; каковы функции того и другого понятия в рамках взаимодействия между различными типами познания и между различными текстами; какова природа актуализации философем и символов; какие элементы входят (если входят вообще) в состав тех или иных философем и могут ли этими элементами выступать именно символы.

Еще одна проблема, рассмотрение которой, на наш взгляд, нельзя оставить без внимания, – это проблема соотношения философемы и концепта. Материалом и отправной точкой для рассуждения может послужить диссертация М. А. Шабоевой «Манифестация текстофилософемной картины видения средствами зооморфической перспективы в текстах Ф. Ницше и их переводах на русский язык» [9]. Эта работа, помимо всех прочих достоинств, хороша еще и тем, что

ставит немаловажный вопрос о том, каким образом понятие «философема» может быть включено в контекст современных течений философской мысли и, в особенности, в контекст постструктурализма. Рассуждая о данном направлении, мы будем пользоваться зачастую разработками западных авторов, что, как нам представляется, вполне правомерно, так как общее представление о современной философии как о «концептологии» сформировалось именно их стараниями.

Термин «текстософософема» введен автором в своей работе для интеграции категорий лингвостилистической и философской интерпретации текстов Ф. Ницше, что происходит с неизбежностью в виду пограничного характера произведений немецкого автора, сочетающих в себе статус философских и художественных.

Понятие «философема» понимается М. А. Шабаетовой как «элементарная единица мировоззренческой установки автора-философа» [9, с. 42]. При этом автор предлагает рассматривать понятие «философема» не изолированно, но в системных отношениях с двумя другими понятиями: «философским концептом» и «философской концепцией». Философский концепт, по утверждению автора, состоит из философем и, таким образом, философема есть минимальная единица философской концептуальной системы.

Вопрос о соотношении понятия «концепт» в лингвистике, культурологии и философии поднят и обсуждается довольно давно. М. А. Шабаетова пишет, что, в ее понимании, *философский* концепт есть «комплексный мыслительный образ, представляющий собой определенную мировоззренческую установку на реалии действительности. [...] концепт есть точка пересечения, «сгущения», «скопления» философем». И далее: «Определенная упорядоченность философем (всех или некоторых из них) составляет философский концепт» [9, с. 43].

Суммируя, мы можем привести следующие характеристики понятия «философский концепт», выделяемые автором:

1) концепт есть репрезентация мировоззренческих установок субъекта;

2) концепт сложен по структуре, так как состоит из элементов, взаимодействующих между собой;

- 3) элементарной единицей концепта, также носящей мировоззренческий характер, является философема;
- 4) функцией философемы является интерпретирование философских концептов;
- 5) таким образом, концепт есть результат взаимодействия составляющих его философем;
- 6) системное взаимодействие концептов субъекта приводит к формированию философской концепции.

Данное рассуждение хорошо иллюстрирует постструктуралистский подход к решению вопроса о том, чем является философия в современных условиях.

По словам С. С. Неретиной, исследовательницы западной мысли, нынешнюю философию можно представить как «эксперименты с разными концептами, она [философия] представляет потому не концептуализм, а концептологию, где каждый концепт показывает полное изменение конфигурации мира» [10].

Анализируя итоговый труд Ж. Делеза и Ф. Гваттари «Что такое философия?» [11], мы можем выделить содержательно-сущностные характеристики понятия «философский концепт» в его современном понимании.

Несколько схематизируя, их можно представить следующим образом:

- 1) сотворенность концепта. Концепт всегда указывает на конкретного автора, и в этом смысле он персонифицирован [11, с. 17];
- 2) обладая этим признаком, концепт не принадлежит границам какого-либо конкретного высказывания [11, с. 34];
- 3) соотнесенность концепта с какой-либо проблемой [11, с. 26], что позволяет различным концептам в пределах одной проблемы пересекаться и взаимно координироваться.

Специфика трудов западных постструктуралистов такова, что всякий хороший переводчик с неизбежностью оказывается еще и интерпретатором их работ.

С. Н. Зенкин, поэтому, в своем послесловии к переводу книги Ж. Делеза и Ф. Гваттари пытается подобрать сравнения термину

concept, которые позволили бы русскоязычному читателю приблизиться к уяснению сущности данного понятия. С. Н. Зенкин пишет: «Концепты – что-то вроде кристаллов или самородков смысла» [12].

Таким образом, мы приходим к заключению, что размышления М. А. Шабаевой относительно генезиса, природы и сущности философских концепций находятся вполне в русле современного представления о том, чем же является философия вообще. На наш взгляд, ее диссертационное исследование, сочетающее оригинальность выдвигаемых положений и весомую теоретическую базу, является весьма показательным и во многом новаторским в истории определения места философии в структуре современного философского знания.

Итак, мы очень бегло рассмотрели эволюцию понятия «философема» от момента его зарождения в трудах Аристотеля и до сегодняшнего дня и попытались проанализировать три новейших работы, авторы которых выдвигают собственное представление о его природе и сущности. Выводы, к которым приходят авторы, во многом различны, однако мы все-таки можем выделить то общее, что объединяет их концепции.

Рассуждая о философеме, все они соглашаются в следующем:

- 1) философема есть определенная форма знания;
- 2) философема имеет мировоззренческую окрашенность;
- 3) философема обеспечивает взаимодействие обыденного и теоретического уровней познания;
- 4) философема есть тот элемент, на основе которого могут складываться четко оформленные философские концепции;
- 5) философема зачастую находит свое воплощение в текстах не философских (либо в тех, о которых мы говорим как о «пограничных», то есть сочетающих философское и художественное измерения).

Подводя общий итог, мы хотели бы выделить ряд немаловажных моментов.

Во-первых, практически полное отсутствие упоминаний рассматриваемого понятия в фундаментальных справочных изданиях приводит к тому, что всякий автор остается наедине со своим собственным, зачастую интуитивным, представлением о том, что же такое

философема. Как следствие, мы видим веер всевозможных толкований сущности данного понятия, что, в свою очередь, ведет к произвольности его употребления.

Во-вторых, в последнее время все же вновь и вновь появляются попытки исправить данное положение дел. Издаются работы философов и филологов, заинтересованных в том, чтобы дать однозначное определение интересующему нас понятию.

В-третьих, становится все более очевидным, что даже те понятия, которые имеют давнишнюю и глубокую историю изучения (символ, образ, концепт, концепция и т. д.), нуждаются в соотношении с понятием «философема», с целью более четко выделить их дифференциальные признаки.

Мы надеемся, что если в ближайшее время некоторые из поставленных проблем найдут свое решение, то мы сможем с гораздо большей уверенностью рассуждать о природе и сущности философемы. Это позволит точнее определить место и роль интересующего нас феномена в процессе обеспечения интегративной функции философского знания и, возможно, выявит то, что не было известно о философеме ранее.

Список литературы

1. Аристотель. Сочинения : В 4 т. Т. 2. – М. : Мысль, 1978.
2. Кокорин А. А. Анализ: аксиоматическое эссе / А. А. Кокорин. – М. : Изд-во МГОУ, 2003. – С. 159.
3. Волошинов В. Н. (Бахтин М. М.) Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке / В. Н. Волошинов (М. М. Бахтин). – М. : Лабиринт, 1993; Постмодернизм : новейший филос. сл. / гл. научн. ред. и сост. А. А. Грицанов. – Мн. : Современ. литератор, 2007. – С. 171–172.
4. Степин В. С. Философия науки и техники / В. С. Степин, В. Г. Горохов, М. А. Розов. – М., 1996.
5. Песоцкий В. А. Художественная литература как социальное явление и предмет философского анализа : моногр. / В. А. Песоцкий. – М. : Изд-во МГОУ, 2009. – 403 с.
6. Благова Т. И. Философемы Достоевского: три интерпретации / Т. И. Благова, Б. В. Емельянов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. – 352 с.

7. Советский энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1985. – С. 1202.
8. Аверинцев С. С. София-Логос / С. С. Аверинцев // Словарь. – 2-е, испр. изд. – К. : Дух і Літера, 2001. – С. 156.
9. Шабаева М. А. Манифестация текстофилософемной картины видения средствами зооморфической перспективы в текстах Ф. Ницше и их переводах на русский язык : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / М. А. Шабаева. – Екатеринбург, 2004. – 213 с. РГБ ОД, 61:05-10/304.
10. Неретина С. С. Тропы и концепты [Электронный ресурс] / С. С. Неретина. – М. : РАН, 1999. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/iphgras/library/neretina.html>
11. Делез Ж. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – М. : Ин-т эксперимент. социологии ; СПб. : Алетейя, 1998.
12. Зенкин С. Н. Послесловие переводчика / С. Н. Зенкин // Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? . – Там же. – С. 280.